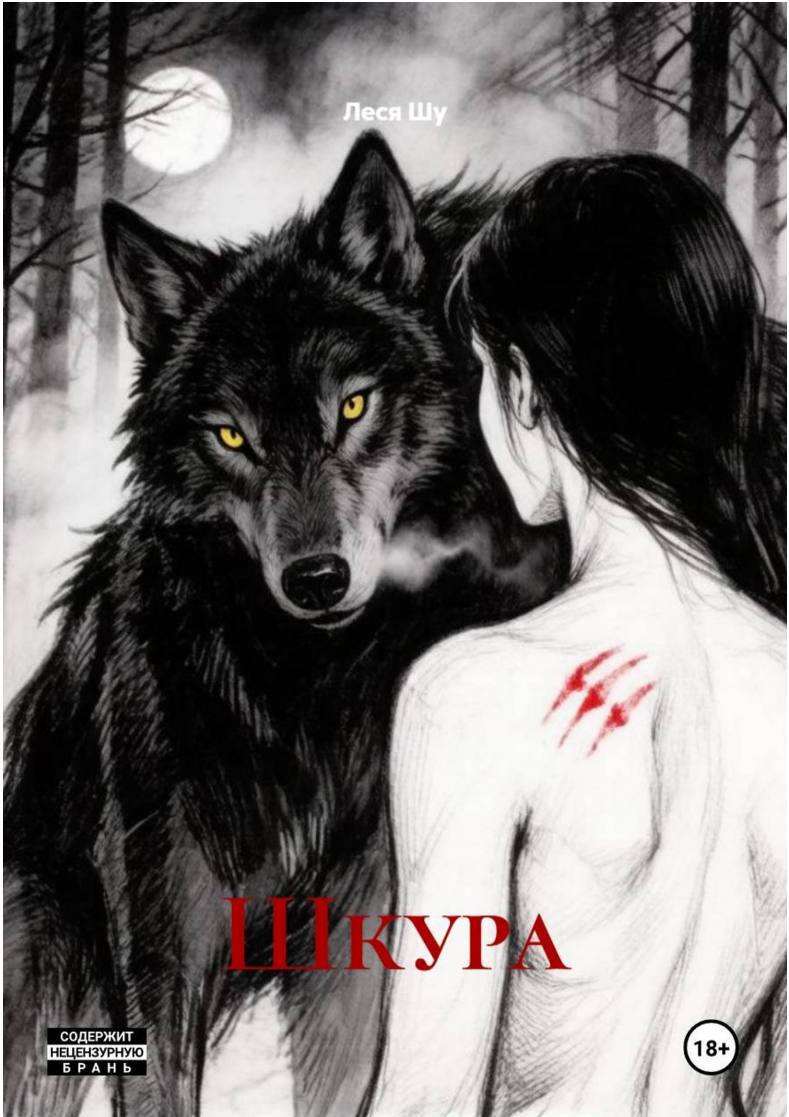

Леся Шу
ШКУРА
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Леся Шу
Шкура

https://litres.ru/74776253
SelfPub; 2026

Аннотация

Элизабет думала, что изучает волков. Она не поняла, что волки уже изучают её. И один из них — уже решил, что она останется. Навсегда. В шкуре, которую нельзя снять.

«Шкура» — это история о том, как любовь пахнет мокрой шерстью и железом. О том, как желание бывает приговором. И о том, что иногда единственный способ остаться человеком — это позволить зверю думать, что ты его.

Для читателей «Красного дракона» и «Интервью с вампиром». Для тех, кто не боится, когда книга кусается.

Содержание

Глава 1 5
ШКУРА 6
Книга первая 6
Глава 2 12
Глава 3 20
Глава 4 27
Глав 36
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Леся Шу
Шкура

Глава 1

ШКУРА

Книга первая

Глава первая. Запах, которого нет в атласе

Дождь начался где-то между Лосево и поворотом на Медвежью падь, и Элизабет Вейл впервые за три года полевой работы пожалела, что не взяла запасные носки.

Она стояла на коленях в грязи, и грязь была тёплая. Не как земля, прогретая солнцем, — другая, живая, будто кто-то большой лежал здесь совсем недавно и оставил после себя тепло. Отпечаток лапы перед ней был размером с её ладонь, если растопырить пальцы. Четыре подушечки. Пятая — чуть в стороне, как у всех псовых. Когти вдавлены глубоко, глубже, чем должно быть у волка весом в сорок килограммов.

Элизабет знала анатомию. Она защитила магистерскую по морфологии *Canis lupus*, и её диссертация — три года, четыре экспедиции, два гранта — называлась «Экологическая ниша восточного волка: реконструкция ареала по архивным и полевым данным». Восточный волк, *Canis lupus lycaon*, официально вымер двадцать лет назад. Официально — это слово она ненавидела больше, чем «графомания».

Официально — значит, кто-то подписал бумагу, и все поверили.

Она провела пальцем по краю следа. Глина под ногтем была тёмной, почти чёрной, и пахла не землёй. Железом. И чем-то сладким, приторным, как перезрелая малина, которую уже тронула плесень. Элизабет знала этот запах. Он означал, что стая близко. Или что кто-то очень хочет, чтобы она так думала.

Она подняла голову. Лес вокруг был не тот, что в её записях. Не тот, что на картах. Сосны стояли слишком ровно, будто их посадили по линейке. Подлесок был вытоптан — не зверем, звери не ходят кругами. Кто-то ходил здесь. Много раз. Один и тот же.

— Ты не боишься, — раздалось за спиной.

Голос низкий, с хрипотцой. Так говорят люди, которые редко пользуются словами, потому что привыкли рычать.

Элизабет не обернулась сразу. Она сделала то, чему её учил отец, лесник, который двадцать лет назад ушёл в лес и не вернулся: сначала — дыхание. Медленный вдох. Выдох. Потом — руки. Не тянуться к рюкзаку. Не хватать нож. Показать, что ты не угроза. И только потом — глаза.

Она обернулась.

Он стоял между двумя соснами, и лес будто расступился, чтобы дать ему место. Высокий. Слишком высокий — если бы она увидела его в городе, подумала бы «баскетболист», но здесь, в лесу, это слово не подходило. Он был сложен иначе.

Плечи шире, чем у любого мужчины, которого она знала. Руки длиннее. Пальцы — она машинально отметила — на сантиметр-полтора длиннее нормы. Обнажённый по пояс, если не считать грязных джинсов, которые висели на бёдрах так низко, что становилось неприлично. Кожа — не бледная, не смуглая. Цвета старого пергамента, на котором кто-то забыл поставить точку. На груди — шрам. Длинный, от ключицы до солнечного сплетения. Заживший. Но не аккуратный. Так заживают раны, которые никто не сшивал.

А глаза — жёлтые. Не янтарные, не карие. Жёлтые, как у волка, которого она видела в объективе три дня назад. Только тогда это был волк. А сейчас — человек.

— Ты человек, — сказала Элизабет, и это прозвучало глупее, чем она рассчитывала.

Он улыбнулся. Улыбка была человеческая. Слишком человеческая.

— Уже нет, — сказал он. — Но ты можешь называть меня так. Мне нравится, когда врут.

Она не отступила. Элизабет вообще не отступала — это было её главной проблемой и её главным достоинством. Она смотрела, как он подходит. Медленно. Каждый шаг — как удар сердца. Он остановился в полуметре. От него пахло лесом и чем-то ещё — горячим, солёным, тем, что бывает между ног у животного, которое хочет.

— Ты пришла за мной, — сказал он. Не спросил.

— Я пришла за *Canis lupus lycaon*. Это ты.

— Это то, что от меня осталось. — Он поднял руку, коснулся её щеки тыльной стороной пальцев. Кожа у него была горячая, как камень на солнце. — А ты пахнешь как страх. И как мёд. Странно, правда? Страх и мёд.

Элизабет не отстранилась. Она подумала, что если сейчас закроет глаза, то услышит, как у него под кожей что-то двигается. Не кровь. Что-то тяжелее. Кости, которые перестраиваются. Мышцы, которые помнят, как быть другими.

— Ты не человек, — сказала она. — Но говоришь как человек. Зачем?

— Потому что ты человек. — Он наклонился к её шее, вдохнул. Глубоко. Так, что она почувствовала, как шевелятся волоски у неё на затылке. — Пока ты человек, я должен быть человеком. Иначе ты сломаешься. А я не хочу, чтобы ты ломалась. Я хочу, чтобы ты сгибалась.

Она ударила его. Ладонью по щеке. Звук получился звонкий, как выстрел. Он не отшатнулся. Он поймал её руку, сжал запястье. Не больно. Но так, что она поняла: он может сломать. Легко. Как ветку.

— У тебя горячие руки, — сказала она.

— Это не руки. Это лапы. — Он отпустил её запястье и сделал шаг назад. — Уходи. Пока я ещё помню, как это делается.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты — единственный, кто может рассказать

мне, как выжить в этом лесу. — Она соврала. Она хотела остаться не поэтому. Она хотела остаться, потому что впервые за три года почувствовала, что её тело — не просто сосуд для диссертации.

Он смотрел на неё долго. Слишком долго. Она видела, как под его кожей на предплечьях перекатываются сухожилия. Как на миг его зрачки сузились до щелочек. Как он облизнул губы — язык у него был слишком длинный. Он сказал:

— Тогда оставайся. Но запомни: ночью я не буду спрашивать. Я возьму.

— А если я скажу нет?

— Ты не скажешь. — Он улыбнулся снова. — Ты уже сказала «да». Просто ещё не поняла.

Он повернулся и ушёл. Не в лес — в чащу, туда, где даже тропы не было. Она смотрела ему вслед. Он не оборачивался. И только когда его спина растворилась между стволами, Элизабет поняла, что всё это время стояла, не дыша.

Она выдохнула. Медленно. Как учил отец.

И только тогда заметила, что на её запястье, там, где он сжимал, остались четыре красные полосы. Не царапины. Отпечатки пальцев. Слишком горячие. Слишком глубокие. Как будто его кожа была чуть острее, чем должна быть у человека.

Элизабет подняла руку к лицу. Понюхала. Железо. Мёд. И что-то ещё, чего не было в атласе запахов, который она знала наизусть.

Она достала диктофон. Нажала кнопку записи. Сказала, глядя в пустой лес:

— Полевой журнал. Запись от двенадцатого сентября. Объект обнаружен. Объект... — Она замолчала. Посмотрела на запястье. — Объект обнаружен. Поведение — не агрессивное. Вернее, не только агрессивное. Требуется дополнительное наблюдение.

Она выключила диктофон. Убрала в карман. И только потом — когда лес снова стал просто лесом, а не чьим-то домом — позволила себе сесть на мокрую землю и закрыть лицо руками.

Дождь усилился. Капли стучали по её непромокаемой куртке, как чужие пальцы. Элизабет сидела и думала о том, что у неё есть шесть месяцев. Шесть месяцев гранта. Шесть месяцев, чтобы доказать, что *Canis lupus lycaon* не вымер. Шесть месяцев, чтобы стать тем, кем она должна была стать.

И одна ночь, чтобы понять, что она уже не вернётся.

Потому что когда она убирала руку от лица, на ладони остался запах. Железо. Мёд. И что-то ещё.

Она не знала, что это. Но знала, что хочет узнать.

Глава 2

Глава вторая. ПалаткаОна поставила палатку в ста метрах от того места, где он её оставил. Не потому что хотела близости — потому что хотела контроля. Если он придёт, она увидит. Если он не придёт — она узнает, что ошиблась.Элизабет расстегнула спальник, но не легла. Села у входа, скрестив ноги, и положила перед собой диктофон, фонарь и нож. Нож был отцовский — финка с костяной рукоятью, которую он выточил сам за год до того, как ушёл в лес и не вернулся. Элизабет не верила в талисманы. Но нож брала в каждую экспедицию.Дождь прекратился к десяти. Лес стал тише, чем должен быть. Не мёртвая тишина — та, что бывает перед грозой. Другая. Тишина, в которой кто-то слушает.Она записала в диктофон всё, что помнила: голос, запах, длину пальцев, шрам, желтизну глаз. Отдельно — про запястье. Про то, как он сжал. Про то, что осталось. Она говорила ровно, как на защите, и только в конце, когда произнесла «объект, вероятно, обладает способностью к трансформации», её голос дрогнул. Не от страха. От предвкушения.В полночь она выключила фонарь.Он пришёл через двадцать три минуты. Она не слышала шагов. Она почувствовала, как изменился воздух — стал плотнее, горячее, будто кто-то открыл невидимую дверь в жарко натопленную комнату. Потом услышала дыхание. Медленное. Глубокое. Слишком большое для

человека.— Ты не спишь, — сказал он из темноты.— Не сплю.— Умно. — Пауза. — Или глупо. Я ещё не решил.Он вошёл в палатку на четвереньках. Не человек. Зверь. Но не волк. Что-то среднее. Слишком большие плечи, слишком длинные пальцы, слишком человеческие глаза. Он не рычал. Он дышал. И это дыхание было хуже рычания.Элизабет лежала на спине. Она не двигалась. Она смотрела, как он подползает ближе. Как его нос касается её живота через спальник. Как он втягивает воздух. Как его язык — шершавый, горячий — проводит по её коже там, где спальник сполз.— Я не буду спрашивать, — сказал он. Голос был человеческий. Это было самое страшное.Она сама расстегнула спальник. Медленно. Не потому что хотела. Потому что не могла иначе.Он вошёл в неё не как человек. Он вошёл как зверь, который знает, что делает. Каждый толчок был глубоким, до боли, до того места, где кончается «я» и начинается «мы». Он держал её за бёдра и смотрел в глаза. Не отрываясь. И она видела, как в его зрачках отражается она — маленькая, белая, человеческая. И как в них же отражается что-то ещё. Что-то, что не имело имени.Она кончила первой. Не потому что он был умелым (хотя был). Потому что он в этот момент зарычал. Тихо, утробно. И это рычание вибрировало в ней, как камертон. А потом он замер, и она почувствовала, как он пульсирует внутри. И как его кожа становится холоднее. И как когти на его пальцах втягиваются обратно.Он скатился с неё. Лёг рядом. Тяжело дышал. Палатка была слиш-

ком мала для двоих, и его плечо касалось её плеча, и это прикосновение было почему-то интимнее, чем всё, что было минуту назад.— Ты не должна была мне нравиться, — сказал он.— Я знаю.— Я не могу остаться.— Я знаю.— Но я вернусь. Завтра. В полночь. И возьму тебя снова.Она повернулась к нему. В темноте его глаза всё ещё светились.— А если я не приду?— Придёшь. Ты же учёная. Тебе нужно знать, чем это кончится.Он встал. Вышел из палатки. Она слышала, как хрустит подлесок, как он бежит. Как воет — далеко, у реки. И как лес отвечает ему.Утром она проснулась от холода. Спальник был расстёгнут, палатка открыта, и в проёме стоял туман — густой, молочный, как в кино про Шотландию. Элизабет села. Тело болело. Не так, как после спортзала. Иначе. Глубже. Будто кто-то перебрал её изнутри и не потрудился собрать обратно.На бедре — след. Четыре полосы. Не глубокие. Не кровоточащие. Просто красные. Метка.Она провела по ним пальцем. Не больно. Горячо.— Запись, — сказала она вслух, и голос был хриплый. — Запись от тринадцатого сентября. Объект... — Она замолчала. Посмотрела на след. — Объект оставил физический след. Возможно, намеренно. Возможно, нет. Требуется...Она не договорила. Потому что поняла, что не знает, что требовать. Ей нужны были данные. Образцы. Анализы. Ей нужно было вернуться в город, в лабораторию, к микроскопу и пробиркам. А вместо этого она сидела в палатке, пахнущей им, и думала о том, как быстро пролетит день до полуночи.Она

вылезла наружу. Лес был тот же, что вчера, но теперь он казался больше. Не враждебным. Просто большим. И она — маленькой.Элизабет умылась из фляги, надела чистую футболку, заварила кофе на горелке. Руки дрожали. Не от холода. От чего-то другого. Она пила кофе и смотрела на лес, и лес смотрел на неё.В девять утра зазвонил спутниковый телефон.— Вейл, — сказала она.— Элизабет. — Голос научного руководителя, профессора Хартли, был сухим, как прошлогодний лист. — Я жду твой отчёт. У тебя был месяц.— Я работаю.— Все работают. Ты нашла что-нибудь?Элизабет посмотрела на след на бедре. На лес. На пустую палатку, в которой ещё висел запах — железо и мёд.— Пока нет, — сказала она. — Следы. Но не доказательства.— Мне нужны доказательства, Элизабет. Или грант закрывают. Ты знаешь правила.— Знаю.— У тебя шесть месяцев. Потом я снимаю тебя с проекта.Она положила трубку. Допила кофе. И только тогда поняла, что всё это время стояла, не дыша.Днём она работала. По-настоящему. Разложила карты, отметила точки, где нашла следы, измерила отпечатки, сфотографировала. Всё — как учили. Всё — правильно. И всё — бесполезно. Потому что в её данных был пробел размером с человека. И этот человек — не человек — был единственным, кто мог его заполнить.Она нашла ещё три следа. Все — свежие. Все — в радиусе километра от палатки. Он ходил вокруг неё. Кругами. Как волк вокруг добычи.К четырём часам она устала. Не физически — иначе. Устала думать. Устала ждать. Уста-

ла быть одной.Она села на поваленное дерево и достала диктофон. Нажала запись. Сказала:— Полевой журнал. Тринадцатое сентября. Объект вернулся. Объект... — Она остановилась. — Объект вернулся. Поведение — территориальное. Возможно, собственническое. Возможно... — Она выключила диктофон.Слова кончились. Осталось только тело. И ожидание.Она вернулась в палатку. Легла. Закрыла глаза. И стала ждать полуночи.Он пришёл раньше. В одиннадцать сорок.Она услышала, как он дышит у входа. Не зверь. Человек. Он стоял на коленях перед палаткой, и в свете луны его лицо было почти нормальным. Почти. Если не считать глаз.— Ты здесь, — сказал он.— Я здесь.— Я думал, ты уйдёшь.— Я думала.Он молчал. Долго. Потом сказал:— Я не хочу, чтобы ты уходила.— Я знаю.— Это плохо. Для тебя. Для меня. Для всех.— Знаю.— Тогда почему ты остаёшься?Элизабет села. Выбралась из палатки. Села рядом с ним на мокрую землю. Он был горячий. Как печка. Как животное.— Потому что я хочу знать, — сказала она. — Всё. Не только то, что ты показываешь.— Ты не готова.— Я учёная. Я всегда готова.Он посмотрел на неё. В лунном свете его зрачки были огромными. Чёрными. Бездонными.— Хорошо, — сказал он. — Тогда я покажу тебе.Он встал. Протянул руку. Она взяла. Его ладонь была горячей и сухой, и пальцы — слишком длинные — сомкнулись вокруг её запястья.— Куда мы идём?— В лес. — Он улыбнулся. Не по-человечески. По-волчьи. — Ты хотела знать, как выжить. Я покажу тебе, как живут.Он

повёл её в чащу. Она шла за ним, спотыкаясь о корни, и он не оборачивался. Но каждый раз, когда она замедлялась, он сжимал её запястье. Крепче. Как будто говорил: не отставай. Как будто говорил: не отпущу.Они шли двадцать минут. Потом лес расступился. И Элизабет увидела логово.Не пещеру. Не нору. Дом. Старый, деревянный, вросший в землю, с крышей, поросшей мхом. Окна были заколочены. Дверь — приоткрыта. На крыльце лежала шкура. Большая. Волчья. И ещё одна. И ещё.Он остановился. Отпустил её руку.— Это мой дом, — сказал он. — Был. Пока они не пришли.— Кто они? — Люди. Такие, как ты. Только хуже. — Он посмотрел на неё. — Они хотели шкуру. Не для науки. Для денег. Шкура оборотня лечит. Так они думают.— А на самом деле?— На самом деле она убивает. Медленно. Тех, кто её носит. И тех, кто рядом. — Он отвернулся. — Пойдём. Я покажу тебе, где живу сейчас.Он повёл её дальше. Вглубь. Туда, где деревья стояли так плотно, что не было неба. И там, в самой чаще, она увидела его логово. Настоящее. Землянка. Яма в земле, накрытая ветками. Внутри — шкуры. Кости. И стены, исписанные именами.Элизабет присела. Прочитала. Много имён. Мужские. Женские. Детские.— Это они, — сказал он. — Те, кого я не смог защитить.Она подняла голову. Он стоял у входа, и его лицо было в тени.— Сколько их?— Двадцать три. — Пауза. — Я считаю каждый день.Элизабет встала. Подошла к нему. Он был горячий. Живой. И в его глазах было что-то, чего она не видела раньше. Не голод. Не желание. Что-

то старше. Что-то, что болело.— Как тебя зовут? — спросила она.Он молчал. Долго. Потом сказал:— Калеб.— Калеб. — Она произнесла это медленно, будто пробуя на вкус. — Я Элизабет.— Я знаю. — Он улыбнулся. — Ты пахнешь как Элизабет.— Как это?— Как мёд. И как страх. И как что-то ещё. — Он наклонился. Вдохнул. — Как что-то, чего я не пробовал.Она не отстранилась. Она подняла руку. Коснулась его щеки. Он вздрогнул. Не от боли. От неожиданности.— Ты не должен меня бояться, — сказала она.— Я не боюсь. — Он накрыл её руку своей. — Я боюсь того, что сделаю с тобой.Он поцеловал её. Не как вчера. Не жёстко. Медленно. Осторожно.Так, будто она была из стекла. Так, будто он разучился.Она ответила. И в этом поцелуе было больше правды, чем во всех её полевых записях. Потому что здесь не было данных. Здесь было только тело. И запах. И тепло.Он отстранился. Посмотрел на неё. И сказал:— Ты останешься?— Останусь.— Навсегда?Она не ответила. Потому что не знала. Потому что «навсегда» — это слово из её диссертации. Из её прошлой жизни. А здесь, в лесу, в яме, накрытой ветками, среди имён мёртвых, «навсегда» звучало как приговор.— Я останусь на сегодня, — сказала она.Он кивнул. Не обиделся. Не удивился. Будто ждал другого ответа.— Тогда пойдём, — сказал он. — Я покажу тебе, как охотятся.Он взял её за руку. Повёл дальше. В темноту. В лес. И Элизабет шла за ним, и в её запястье, там, где остались следы его пальцев, что-то пульсировало. Горячо. Живо.Как будто под кожей что-то на-

чинало двигаться.Как будто она уже не была только человеком.

Глава 3

Глава третья. Как охотятсяОн не бежал. Он шёл. Но шёл так, что Элизабет приходилось переходить на рысь, чтобы не отставать. Ноги у неё были крепкие — три года полевой работы, четыре экспедиции, походы с отцом с двенадцати лет. Но он двигался иначе. Не быстрее. Экономнее. Каждый шаг — точно туда, куда нужно. Ни одного лишнего движения.— Куда мы идём? — спросила она, перепрыгивая через корень.— Туда, где олень. — Он не обернулся. — Я чувствую его. Километра полтора. Самец. Молодой. Хромой.— Хромой?— Задняя левая. Он повредил её месяц назад. Прыгал через ручей, неудачно приземлился. С тех пор хромает. Стая его не берёт. Слишком медленный. — Пауза. — А я беру.Элизабет остановилась. Он сделал ещё два шага, прежде чем заметил, что её нет рядом. Обернулся.— Что?— Ты чувствуешь, что олень хромает. За полтора километра.— Да.— Как?Он посмотрел на неё так, как смотрят на ребёнка, который спрашивает, почему небо голубое.— Я чувствую запах. Не только оленя. Его хромоты. — Он поднял руку, пошевелил пальцами, будто ловил что-то в воздухе. — Когда животное хромает, оно потеет иначе. Мышцы работают не так. Кровь идёт не туда. Запах меняется. Для тебя это ничего. Для меня — это как... — Он замолчал, подбирая слово. — Как если бы ты читала книгу, а я слушал, как ты перели-

стываешь страницы. Я не вижу слов. Но я знаю, где ты.Элизабет смотрела на него. В лунном свете его лицо было почти человеческим. Почти.— Ты когда-нибудь думал, — сказала она медленно, — что мог бы стать величайшим биологом в истории?— Я не биолог. — Он отвернулся. — Я убийца. Пойдём.Она догнала его. Шла рядом. Он не взял её за руку. Не смотрел на неё. Но каждый раз, когда она спотыкалась, он замедлялся. На полшага. Не больше. Достаточно, чтобы она успела.Они шли молча минут десять. Лес менялся. Сосны уступали место елям — старым, чёрным, с ветвями, которые опускались до земли, как юбки. Подлесок стал гуще. Элизабет чувствовала, как ветки цепляются за куртку, за волосы, за рюкзак. Он шёл сквозь них, не задевая. Как будто лес его пропускал.Потом он остановился. Резко. Поднял руку.— Стой.Элизабет замерла. Впереди, метрах в тридцати, между двумя елями, она увидела оленя. Молодого самца. Он стоял, опустив голову, и жевал что-то — мох, может быть, или кору. Задняя левая нога была поджата. Не сильно. Но заметно, если знать, куда смотреть.— Видишь? — прошептал он. — Хромой.— Вижу.— Теперь смотри. Не отводи глаз.Он начал перекидываться.Элизабет видела это вблизи впервые. Вчера было темно. Быстро. Больно. Сейчас — медленнее. Он делал это нарочно. Для неё. Показывал.Сначала — глаза. Жёлтые радужки расширились, залили белок. Hehuman. Потом — кожа. Она пошла рябью, как вода, в которую бросили камень. Не порвалась. Не треснула. Просто перестала быть

кожей. Стала чем-то другим. Темнее. Гуще. Шерсть проступила из пор, как пот, только чёрный, и через секунду его спина уже была покрыта ею — короткой, жёсткой, блестящей.Потом — кости. Элизабет услышала, как они хрустят. Не как ломаются. Как складываются. Будто кто-то перестраивал дом изнутри: балки становились стропилами, стены — крышей. Лицо вытянулось. Челюсть подалась вперёд. Зубы — она видела — стали длиннее, острее, и из дёсен выступила кровь. Он не кричал. Он дышал. Глубоко. Ровно.И через минуту перед ней стоял волк. Огромный. Чёрный. С жёлтыми глазами. Он был больше любого волка, которого она видела в музеях, на фотографиях, в объективе. Больше. Тяжелее. Опаснее.Он посмотрел на неё. И в его взгляде не было зверя. Был он. Калеб. Человек, который смотрел на неё из волчьих глаз.Он отвернулся. Припал к земле. И побежал.Элизабет не видела, как он двигается. Она видела только, как олень поднял голову, как его уши встали торчком, как он дёрнулся — слишком поздно. Чёрная тень пересекла поляну. Олень попытался прыгнуть. Задняя нога подвела. Он упал на бок. И волк был на нём.Это было быстро. Не жестоко. Просто быстро. Волк вцепился в горло. Олень дёрнулся раз. Два. Замер. Волк держал его, пока тот не перестал двигаться. Потом отпустил. Отошёл на шаг. Сел. И посмотрел на Элизабет.Она стояла, не двигаясь. Сердце билось где-то в горле. Руки тряслись. Но она не отвернулась. Не закрыла глаза. Не убежала.— Ты хотела знать, — сказал он. Голос был человече-

ский. Он не перекинулся обратно. Говорил из волчьего тела. — Это — как мы живём. Не как люди. Не как животные. Между.Элизабет сделала шаг вперёд. Потом ещё один. Подошла к оленю. Кровь была тёмной, густой, и пахла железом. Она присела. Коснулась шеи. Пульса не было.— Ты убил его за секунду, — сказала она.— Я убил его за секунду, потому что он хромой. Здоровый олень бежал бы быстрее. Я бы гнался за ним километра два. Может, три. И тогда он умер бы от страха, а не от меня. — Волк посмотрел на неё. — Это не жестокость. Это милосердие. Ты не поймёшь.— Я понимаю.— Нет. — Он встал. Подошёл к ней. Слишком близко. Она чувствовала запах крови на его морде. — Ты понимаешь умом. А я понимаю телом. Разница.Он перекинулся обратно. На этот раз быстрее. Меньше секунды. И вот он снова стоял перед ней — человек. Голый. В крови. Тяжело дышащий.— Теперь ты, — сказал он.— Что — я?— Ты должна убить.Элизабет посмотрела на оленя. Потом на него. — Я не могу.— Можешь. — Он подошёл к оленю. Присел. Достал из-за пояса нож — её нож, отцовский, она не заметила, когда он его взял. — Ты должна почувствовать, как это. Не для того, чтобы стать волком. Для того, чтобы понять.— Я не хочу понимать это.— А ты уже понимаешь. — Он протянул ей нож. — Ты просто боишься.Она взяла нож. Рукоять была тёплая. Его тепло. Она посмотрела на оленя. На его глаз — открытый, стеклянный. На кровь, которая уже начала сворачиваться.— Куда? — спросила она.— Туда, где я

держал. Горло. Ты не должна резать. Ты должна закончить. — Он отошёл. — Я не буду смотреть.Он отвернулся. Отошёл к дереву. Прислонился. И стоял так, спиной к ней, пока она делала то, что должна была.Элизабет опустилась на колени. Подняла нож. Руки тряслись. Она взяла оленя за рог. Повернула голову. Нашла место, где волк держал. Кожа была разорвана. Кровь уже не шла. Она вставила нож. Надавила. Олень дёрнулся — рефлекс, не жизнь. И замер.Она вытащила нож. Вытерла о траву. Встала. Её мутило. Но не от крови. От чего-то другого. От того, что она почувствовала. Не жалость. Не ужас. Что-то древнее. Что-то, что спало в ней с рождения и только сейчас открыло глаз.— Готово, — сказала она.Он обернулся. Посмотрел на неё. На оленя. На нож в её руке.— Ты сделала это, — сказал он. — Быстро. Без истерики.— Я биолог. Я резала ткани и раньше.— Это не ткани. Это жизнь. Ты её забрала.— Ты её забрал. Я закончила.Он подошёл. Взял у неё нож. Вытер о своё бедро. Убрал за пояс.— Ты не плачешь, — сказал он.— Нет.— Почему?— Потому что я не чувствую, что должна.Он смотрел на неё долго. Потом улыбнулся. Не по-волчьи. По-человечески. Устало.— Теперь ты понимаешь, — сказал он. — Не умом. Телом.Он присел рядом с оленем. Достал нож снова. Начал свежевать. Быстро. Умело. Элизабет смотрела. Не отворачивалась.— Ты голодна? — спросил он, не поднимая головы.— Да.— Тогда ешь.Он отрезал кусок мяса. Протянул ей. Сырой. Ещё тёплый. Кровь капала с его пальцев.Элизабет взя-

ла. Посмотрела на мясо. На него. На лес вокруг. На луну, которая висела над елями, как чужой глаз.Она откусила.Мясо было тёплым. Солёным. И оно было вкусным. Не как в ресторане. Не как стейк. Иначе. Проще. Честнее. Она жевала и смотрела, как он ест рядом с ней. Как кровь течёт по его подбородку. Как его глаза — снова жёлтые — блестят в темноте.— Что теперь? — спросила она, проглотив.— Теперь мы вернёмся. — Он вытер рот тыльной стороной ладони. — Ты пойдёшь в свою палатку. Я — в своё логово. Утром ты будешь думать, что это был сон.— А это был не сон?— Нет. — Он встал. Протянул ей руку. — Это было начало.Она взяла его руку. Поднялась. Он не отпустил. Держал. Смотрел.— Ты не должна была мне нравиться, — сказал он снова.— Ты уже говорил.— Я повторяю, потому что это правда. — Он отпустил её. Сделал шаг назад. — И потому что это становится проблемой.Он повернулся. Пошёл. Не в сторону палатки. В другую. В чащу.— Калеб.Он остановился. Не обернулся.— Что?— Спасибо.Он молчал. Потом сказал:— Не благодари. Я не для тебя это делал. Я для себя. — Пауза. — Мне нужно было увидеть, как ты убиваешь. Чтобы знать.— Что знать? — Смогу ли я тебя отпустить.Он ушёл. Элизабет стояла одна на поляне. Рядом с оленем. С ножом, который он оставил ей. С кровью на руках. И с чем-то новым внутри. Чем-то, что не было ни страхом, ни голодом, ни желанием. Чем-то, что росло.Она вернулась в палатку к трём утра. Не спала. Лежала и смотрела в потолок. Думала о том, что у неё есть шесть меся-

цев. Шесть месяцев, чтобы доказать, что *Canis lupus lycaon*не вымер. Шесть месяцев, чтобы стать тем, кем она должна была стать.И одна ночь, чтобы понять, что она уже не вернётся.Она достала диктофон. Нажала запись. Сказала:— Полевой журнал. Четырнадцатое сентября. Объект показал мне... — Она замолчала. Посмотрела на свои руки. На кровь под ногтями. — Объект показал мне, как живут. Я не уверена, что могу это описать. Я не уверена, что хочу.Она выключила диктофон. Убрала в карман. И только тогда — когда лес снова стал просто лесом — позволила себе закрыть глаза.Она не спала. Но и не бодрствовала. Она была где-то между. Как он. Как волк. Как что-то третье.И в этом третьем она чувствовала, как под кожей что-то двигается. Не кровь. Что-то тяжелее. Кости, которые помнят. Мышцы, которые ждут.Она открыла глаза. Посмотрела на свои руки. На пальцы. На ногти.Они были длиннее. Чуть-чуть. На полмиллиметра. Не больше.Она сжала кулаки. И почувствовала, как под кожей что-то сжалось в ответ.

Глава 4

Глава четвёртая. Метка

Она проснулась от того, что её руки были в крови.

Не своей. Чужой. Тёмной, уже подсохшей, въевшейся в линии на ладонях, под ногти, в складки между пальцами. Элизабет села рывком. Спальник был расстёгнут. Палатка открыта. Свет — серый, ранний, до восхода.

Она смотрела на руки. Долго. Потом вспомнила. Олень. Нож. Кровь. И то, как она откусила тёплое мясо и ей было вкусно.

Она вылезла наружу. Умылась из фляги. Тёрла руки, пока кожа не покраснела. Кровь не сходила полностью — въелась в трещины. Элизабет смотрела на свои ладони и думала о том, что вчера она убила живое существо голыми руками и ножом, а сегодня утром её волнует только то, что она не может отмыть ногти.

Она села у палатки. Достала диктофон. Нажала запись.

— Полевой журнал. Четырнадцатое сентября. Утро. — Она сделала паузу. — Я убила оленя. Впервые. Я не чувствую вины. Это... — Она замолчала. Выключила. Убрала дикто-

фон.

Слова кончились. Осталось только тело. И руки, которые помнили.

Днём она работала. Механически. Проверила фотоловушки, записала данные, отметила на карте точки. Всё — как учили. И всё — бесполезно. Потому что в её данных был пробел размером с человека. И этот человек — не человек — был единственным, кто мог его заполнить.

К четырём часам она поняла, что не может больше ждать. Не может сидеть в палатке и смотреть на лес. Она должна найти его. Сама.

Она пошла к логову. Туда, куда он её вёл ночью. Запоминала дорогу: поваленная сосна, ручей, три ели, стоящие треугольником, — и дальше в чащу. Она шла медленно. Осторожно. Каждый шаг — как вопрос. Каждый звук — как ответ.

Логово она нашла через сорок минут. Землянка. Яма в земле, накрытая ветками. Внутри — пусто. Шкуры свёрнуты. Кости убраны. Имена на стенах — стёрты. Не полностью. Кто-то пытался, но не успел. Или не захотел.

Элизабет присела. Провела пальцем по стене. Буквы были выцарапаны чем-то острым. Ножом. Когтем. Она не знала. Но чувствовала под пальцами неровности. Чужие имена. Чужие смерти.

— Ты пришла.

Она обернулась. Он стоял у входа. Не в тени. На свету. И

выглядел хуже, чем ночью. Уставший. Серый. Как будто не спал. Как будто что-то грызло его изнутри.

— Ты ушёл, — сказала она. — Я не знала, вернёшься ли.

— Я всегда возвращаюсь. — Он вошёл. Присел напротив. Слишком близко. — Это моя проблема.

Она смотрела на него. На его руки. На пальцы — длинные, с грязными ногтями. На шрам на груди. На глаза, которые сегодня были не жёлтыми, а тусклыми, как старая латунь.

— Что с тобой? — спросила она.

— Ничего.

— Ты врёшь.

Он усмехнулся. Без веселья.

— Ты быстро учишься.

— Что с тобой?

Он молчал. Долго. Потом сказал:

— Я не перекидывался три дня. До тебя. Это... — Он подбирал слово. — Неправильно. Для меня. Я должен перекидываться. Каждую ночь. Иначе...

— Иначе что?

— Иначе зверь внутри начинает думать, что он — это я. — Он посмотрел на неё. — И я начинаю забывать, что был человеком.

Элизабет смотрела на него. На его лицо. На его руки. На то, как он сидит — сгорбившись, будто что-то давит ему на плечи.

— Ты поэтому пришёл ко мне? — спросила она. — Вчера.

Ночью. Показал мне охоту.

— Да.

— Чтобы вспомнить?

— Чтобы почувствовать. — Он поднял голову. — Когда я рядом с тобой, я чувствую. Не только голод. Не только инстинкт. Что-то ещё. Что-то... — Он замолчал. — Человеческое.

Она протянула руку. Коснулась его щеки. Он вздрогнул. Не отстранился.

— Ты не должен бояться, — сказала она.

— Я не боюсь. — Он накрыл её руку своей. — Я боюсь того, что сделаю с тобой.

Он наклонился. Поцеловал её. Не как вчера. Не осторожно. Голодно. Так, будто она была водой, а он — умирал от жажды.

Она ответила. И в этом поцелуе было больше правды, чем во всех её записях. Потому что здесь не было данных. Здесь было только тело. И запах. И тепло.

Он отстранился. Посмотрел на неё. Его глаза снова были жёлтыми. Яркими.

— Ты не должна была приходить, — сказал он.

— Я знаю.

— Ты не должна была оставаться.

— Знаю.

— Тогда почему ты здесь?

Она не ответила. Потому что не знала. Потому что «пото-

му что я хочу тебя» звучало слишком просто. А «потому что я хочу понять, кто ты» — слишком научно. А «потому что я чувствую, что ты — часть меня, которой у меня никогда не было» — слишком честно.

Он встал. Протянул руку. Она взяла. Его ладонь была горячей. Сухой. И пальцы сомкнулись вокруг её запястья. Крепко. Как вчера. Как будто он боялся, что она исчезнет.

— Пойдём, — сказал он.

— Куда?

— В лес. — Он улыбнулся. Не по-волчьи. По-человечески. Устало. — Я покажу тебе, где я живу. По-настоящему.

Он повёл её глубже. Туда, где деревья стояли так плотно, что не было неба. Туда, где тишина была такой густой, что её можно было резать ножом.

И там, в самой чаще, она увидела дом. Не землянку. Не нору. Дом. Старый, деревянный, вросший в землю, с крышей, поросшей мхом. Окна были заколочены. Дверь — приоткрыта. На крыльце лежала шкура. Большая. Волчья. И ещё одна. И ещё.

Он остановился. Отпустил её руку.

— Это мой дом, — сказал он. — Был. Пока они не пришли.

— Кто они?

— Люди. Такие, как ты. Только хуже. — Он посмотрел на неё. — Они хотели шкуру. Не для науки. Для денег. Шкура оборотня лечит. Так они думают.

— А на самом деле?

— На самом деле она убивает. Медленно. Тех, кто её носит. И тех, кто рядом. — Он отвернулся. — Пойдём. Я покажу тебе, где живу сейчас.

Он повёл её дальше. Вглубь. Туда, где не было троп. И там, в самой чаще, она увидела его логово. Настоящее. Землянка. Яма в земле, накрытая ветками. Внутри — шкуры. Кости. И стены, исписанные именами.

Элизабет присела. Прочитала. Много имён. Мужские. Женские. Детские.

— Это они, — сказал он. — Те, кого я не смог защитить.

Она подняла голову. Он стоял у входа, и его лицо было в тени.

— Сколько их?

— Двадцать три. — Пауза. — Я считаю каждый день.

Элизабет встала. Подошла к нему. Он был горячий. Живой. И в его глазах было что-то, чего она не видела раньше. Не голод. Не желание. Что-то старше. Что-то, что болело.

— Как тебя зовут? — спросила она.

Он молчал. Долго. Потом сказал:

— Калеб.

— Калеб. — Она произнесла это медленно, будто пробуя на вкус. — Я Элизабет.

— Я знаю. — Он улыбнулся. — Ты пахнешь как Элизабет.

— Как это?

— Как мёд. И как страх. И как что-то ещё. — Он накло-

нился. Вдохнул. — Как что-то, чего я не пробовал.

Она не отстранилась. Она подняла руку. Коснулась его щеки. Он вздрогнул. Не от боли. От неожиданности.

— Ты не должен меня бояться, — сказала она.

— Я не боюсь. — Он накрыл её руку своей. — Я боюсь того, что сделаю с тобой.

Он поцеловал её. Не как вчера. Не жёстко. Медленно. Осторожно. Так, будто она была из стекла. Так, будто он разучился.

Она ответила. И в этом поцелуе было больше правды, чем во всех её полевых записях. Потому что здесь не было данных. Здесь было только тело. И запах. И тепло.

Он отстранился. Посмотрел на неё. И сказал:

— Ты останешься?

— Останусь.

— Навсегда?

Она не ответила. Потому что не знала. Потому что «навсегда» — это слово из её диссертации. Из её прошлой жизни. А здесь, в лесу, в яме, накрытой ветками, среди имён мёртвых, «навсегда» звучало как приговор.

— Я останусь на сегодня, — сказала она.

Он кивнул. Не обиделся. Не удивился. Будто ждал другого ответа.

— Тогда пойдём, — сказал он. — Я покажу тебе, как охотятся.

Он взял её за руку. Повёл дальше. В темноту. В лес. И

Элизабет шла за ним, и в её запястье, там, где остались следы его пальцев, что-то пульсировало. Горячо. Живо.

Как будто под кожей что-то начинало двигаться.

Как будто она уже не была только человеком.

Они вернулись к палатке к рассвету. Он не зашёл внутрь. Стоял у входа. Смотрел, как она расстёгивает спальник. Как ложится. Как закрывает глаза.

— Калеб.

— Что?

— Ты сказал, что не перекидывался три дня. До меня.

— Да.

— А теперь?

Он молчал. Потом сказал:

— Теперь я не могу. — Пауза. — Не могу уйти. Не могу перекинуться. Не могу думать ни о чём, кроме тебя.

— Это плохо?

— Это хуже. — Он присел. Посмотрел на неё. — Это как болезнь. Как рана. Как что-то, что не заживает.

— И что ты будешь делать?

Он наклонился. Поцеловал её в лоб. Губы были горячие. Сухие.

— Я буду рядом, — сказал он. — Пока ты не уйдёшь.

— А если я не уйду?

— Тогда я умру. — Он улыбнулся. — Но не от тебя. От себя.

Он встал. Вышел из палатки. И она слышала, как он са-

дится у входа. Как прислоняется спиной к дереву. Как дышит. Медленно. Ровно. Как зверь, который не спит.

Элизабет лежала в спальнике. Смотрела в потолок. Думала о том, что у неё есть шесть месяцев. Шесть месяцев, чтобы доказать, что *Canis lupus lycaon* не вымер. Шесть месяцев, чтобы стать тем, кем она должна была стать.

И одна ночь, чтобы понять, что она уже не вернётся.

Она достала диктофон. Нажала запись. Сказала:

— Полевой журнал. Пятнадцатое сентября. Объект... — Она замолчала. Посмотрела на свои руки. На пальцы. На ногти. — Объект — не объект. Объект — Калеб. Он... — Она выключила диктофон. Убрала в карман.

Слова кончились. Осталось только тело. И руки, которые помнили. И запах — железо и мёд, — который не смывался.

Она закрыла глаза. И в темноте под веками увидела жёлтые глаза. Не волчьи. Его. Калеба. Человека, который смотрел на неё из волчьего тела.

Она улыбнулась. Впервые за три года. Не для диссертации. Не для отчёта. Просто так.

И под кожей, там, где остались следы его пальцев, что-то сжалось в ответ.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.